

Глава 24. Потрогать лысину

Чэн Лян: — Охуеть... Обрился налысо, а всё равно красавчик!

Е Мянью: — Да пидорас... Как ты умудряешься выглядеть по-человечески?

Когда они вышли из парикмахерской, на их свежестриженные головы упали отсветы уличных фонарей и бледный лунный свет. Чэн Лян то и дело косился на шагающего рядом парня.

В конце концов он не выдержал. Улучив момент, когда Е Мянью зазевался, Чэн Лян протянул руку и легонько коснулся его макушки. Лишённая волос кожа отливала характерной синевой свежесбритого затылка.

Е Мянью не потерпел такого домогательства:

— Слышь, бля, руки при себе держи!

— Да я просто попробовать! Только разок.

— У тебя своя лысина для мебели, что ли? — огрызнулся Е Мянью. На кой чёрт лапать чужую, когда можно потрогать собственную?

Чэн Лян парировал:

— Свою трогать неинтересно, никакого кайфа. С чужой — совсем другие ощущения.

Е Мянью процедил лаконичное:

— Отвали.

— Ладно тебе. Не хочешь давать свою — потрогай мою. Серьёзно, попробуй, тактильный кайф,
— Чэн Лян слегка наклонился, подставляя свою лысую макушку прямо под нос Е Мянью.

Е Мянью и сам не понял, какого чёрта делает, но рука сама потянулась к голове Чэн Ляна. Он осторожно провёл ладонью от лба к затылку — один раз, другой, словно гладил домашнего питомца. На головах у обоих красовались медицинские пластыри от недавних травм, так что Е Мянью вёл пальцами аккуратно, за версту обходя повреждённые места на черепе Чэн Ляна.

Чэн Лян довольно зажмурился и протянул:

— Ну вот, видишь? Я же говорил — приятно.

«И кто тут ловил кайф? Чего этот придурок так стонет?»

— О боже, что я сейчас видела!

— Мамочки, это слишком мило! Девчат, ловите фотку в чат, вы обязаны это заценить! Только что сняла!

В тусклом свете уличных фонарей возле кондитерской стояли двое парней. Они находились непозволительно близко друг к другу: один слегка наклонил голову, а второй бережно гладил его по макушке. Падающий сверху свет размывал резкие контуры их лиц, создавая вокруг них мягкий, почти интимный ореол.

[0] А-а-а, я сейчас расплачусь! Какие мальчики! Господи, как же это сладко! Спасибо за фото, милая!

[1] А-а-а-а! Ору чайкой! Что за невероятные красавчики, боже мой, два парня!

[2] Мама спросила, почему я капаю слюной на экран.

[...]

[17] Ой, я знаю это место! Это же у кондитерской на проспекте ХХ! А-а-а, я схожу с ума, я ведь только что там сидела и ела пирожные! Почему я не осталась подольше?!

[28] Однозначно: тот, который наклонился — актив.

[29] Плюсюю. Склонивший голову — сто процентов сверху. На людях уступает, зато в постели берёт своё.

[30] Поддерживаю x2.

[...]

Е Мянё не собирался долго сверкать лысиной на публике и быстро натянул кепку. То ли ему казалось, то ли на них действительно стали обращать слишком много внимания.

Нет, не казалось. Он уже заметил в толпе нескольких девчонок, которые сначала шушукались, косясь в их сторону, а затем начинали восторженно взвизгивать, хватая друг друга за руки.

Его спутник, похоже, вообще ничего не замечал. Две блестящие лысины посреди вечерней улицы выглядели слишком вызывающе, поэтому Е Мянью поправил козырёк кепки, натягивая её пониже. Впрочем, даже головной убор не спасал от любопытных взглядов.

Раньше, когда он гулял в одиночестве, никто на него так не пялился. Значит, дело было исключительно в типе, шагающем рядом. У Чэн Ляна была такая внешность, что даже измажь он лицо сажей и смешайся с толпой, благородные очертания черепа и безупречные черты лица всё равно выдали бы его с головы до ног.

Е Мянью обернулся к плетущемуся позади парню и раздражённо нахмурился. Ждать его совсем не хотелось:

— Слышь, шевелись быстрее. Сам же орал, что тут идти всего ничего и такси брать не надо. Раз уж пошли пешком, то не спи на ходу.

Чэн Лян удивился:

— Ты что, совсем не хочешь прогуляться?

— Гулять я с тобой буду, как же. Шевели поршнями, миллионер недоделанный.

Проходя мимо табачной лавки, Е Мянью вдруг резко затормозил и нахмурился.

— Что такое? — Чэн Лян покорно шёл следом. До этого Е Мянью упорно сверялся с навигатором, из-за чего они умудрились пройти один и тот же перекрёсток трижды: сначала туда, потом обратно, а затем снова в том же направлении.

«Неужели топографический кретинизм обострился?» — подумал Чэн Лян.

— Да нет, — Е Мянью напряг память. — Кажется, я что-то упустил. — За сегодня навалилось слишком много всего, и какая-то важная мысль упорно ускользала от него.

Они миновали ещё одно здание, и когда до цели оставалось всего ничего, парня наконец осенило:

— Твою мать, совсем из головы вылетело!

— Что, опять не туда свернули? — Чэн Лян окончательно убедился, что его спутник — знатный топографический кретин. Без навигатора он шагу ступить не может, да и с ним ухитряется заблудиться в трёх соснах.

— Да хрен с ним, потом заберу, — отмахнулся Е Мянъ.

Когда они проходили мимо нужного места в первый раз, вывеска ещё светилась.

Было уже около восьми вечера, когда Е Мянъ со своим «должником на миллион» зашёл в салон сотовой связи. Он планировал взять точно такую же модель, какую купил сегодня днём, но нужного консультанта за стойкой не оказалось.

— Да, я уже заканчиваю. На дорогах жуткие пробки, весь район стоит... Ты через сколько будешь? Минут через десять успеешь? Ладно, тогда жду, но не дольше десяти минут, — Се Фэньфан собиралась сдавать смену. На часах было без пяти восемь, пора меняться с ночным дежурным.

Она уже переделалась в гражданское и была готова бежать домой. Летом в салоне всегда был наплыв покупателей — вчерашние школьники и студенты массово обновляли девайсы перед учёбой, так что крутиться приходилось как белка в колесе. Но стоило подумать о тех, кто в такое пекло вкалывает на стройках под палящим солнцем, как её работа начинала казаться сущим раем. Разве что платили маловато.

— Здравствуйте! Подсказать вам что-нибудь? У нас как раз завезли новые Nova 3 и Mate 10 от Huawei, хотите взглянуть? — заученно затараторила другая сотрудница, дежурившая у входа.

Е Мянъ указал на витрину:

— Вот эту модель, в чёрном цвете.

Услышав этот голос, Се Фэньфан отвлеклась от телефона и удивлённо уставилась на парня в кепке:

— Ой, а вы разве не тот парень, который сегодня днём...

«Надо же, только днём телефон купил, и уже умудрился лишиться его. Вот же не повезло», — подумал Чэн Лян. Он подцепил носком кроссовка свободный стул и придвинул его к ногам Е Мянъ.

— И мне такую же, только белую, — бросил Чэн Лян продавщице.

Се Фэньфан быстро достала две запечатанные коробки и выложила их на прилавок:

— Вот, держите.

Девушка переводила взгляд с одного на другого, поражаясь превратностям судьбы. Надо же, двое самых симпатичных парней, которых она видела за весь день, мало того что оказались знакомы, так ещё и пришли вместе! Да ещё и за телефонами в её смену.

«Может, мне реально пойти купить лотерейный билет?» — пронеслось у неё в голове.

Она не сразу признала их из-за этих безумных причёсок — точнее, их полного отсутствия. Обрились ведь под ноль! Стоя за кассой, она украдкой разглядывала парня в кепке. Его, кажется, звали Е Мянью. Интересно, зачем он натянул бейсболку? Она переводила взгляд с Е Мянью на Чэн Ляна, и в её голове крепла догадка: «Они что, совершили какой-то ритуал мужской дружбы и побрились налысо за компанию?..»

Чэн Лян повертел в руках коробку:

— Слышь, давай поменяемся? Мне больше нравится чёрный, а тебе пойдёт белый. Как тебе идея?

Е Мянью недоуменно приподнял бровь:

— Тебе-то на кой хрен новый телефон?

— Да просто надоел старый, решил обновиться, — небрежно отозвался тот.

Е Мянью лишь презрительно цыкнул.

Чэн Лян слегка пихнул его мыском в голень:

— Ну так что, согласен?

Е Мянью смерил его ледяным взглядом:

— Забирай чёрный и не пари мне мозги. А то у тебя, похоже, баланс ума ушёл в минус, иди лучше счёт пополни.

— Ладно, замаяли, — легко сдался Чэн Лян.

Е Мянью вытащил из кармана удостоверение личности и обратился к Се Фэньфан:

— Мне ещё нужно восстановить две сим-карты. Номера такие:...,...

Продавщица на секунду зависла:

— А?

Е Мянй поморщился от собственной оговорки:

— Тьфу, то есть восстановить утерянные. — И тут же резко обернулся к Чэн Ляну, который снова принялся пихать его под стол: — Блядь, Чэн Лян, ещё раз меня пнёшь — без ноги останешься!

Тот послушно убрал ногу, но продолжал гнуть своё:

— Так что насчёт цвета? Реально не поменяемся?

— Ещё одно слово — и я тебе язык отрежу.

Е Мянй искренне не понимал этого идиотского упрямства. Какая разница, если в салоне полно чёрных моделей? Бери любую, зачем приставать к его коробке?

В глазах Е Мянй промелькнул недобрый огонёк. Он прищурился и ядовито усмехнулся:

— Если тебе так приспичило, купи обе. Будешь ходить с тремя трубками сразу, менять под настроение. А лучше вообще выкупи этот салон со всеми потрохами, олигарх хренов. Будешь каждое утро новую модель выбирать.

Чэн Лян в ответ лишь выдал очередную порцию какого-то бреда.

Е Мянй достал из бумажника банковскую карту и протянул её продавщице. Се Фэньфан приняла пластик и, стараясь сохранить максимально невозмутимый вид, хотя внутри у неё всё так и трепетало от восторга, уточнила:

— Оформляем обе?

— Одну, — отрезал Е Мянй.

Но Чэн Лян тут же бесцеремонно придвинул вторую коробку к терминалу:

— Обе.

Е Мянй свирепо уставился на него.

Чэн Лян, проигнорировав этот взгляд, вытащил собственную карту и протянул девушке:

— Девушка, возьмите лучше мою. Снимите за обе с этой.

Е Мянью, конечно, подкалывал его насчёт долга, но сумма-то была круглая, с четырьмя нулями. С какой стати посторонний парень должен за него платить? Он не ожидал, что этот мажор окажется настолько прямолинейным и упрямым.

Конечно, в том, что телефон Е Мянью уплыл, была доля вины Чэн Ляна, который сиганул в реку. Но если зрить в корень: не брось Е Мянью в порыве безумия свой чехол от гитары с моста, Чэн Лян не стал бы прыгать в воду. В жизни всё взаимосвязано, и докопаться до первопричины порой невозможно. Ведь до того, как чехол полетел в воду, тоже случилось немало дерьма.

Чэн Лян мягко перехватил руку Е Мянью и заговорщически подмигнул продавщице, безмолвно прося её поторавливаться с транзакцией:

— Мы же договорились, что я торчу тебе целый миллион. Долг огромный, отдавать буду долго. Так что позволь мне хоть немного выслужиться перед грозным кредитором. Глядишь, Брат Мянью подбодрит, скостит проценты или даст отсрочку. Правда, — Чэн Лян хмыкнул, — выплачивать я его буду, скорее всего, до конца своих дней. Сумма-то нешуточная.

Е Мянью попытался было отобрать карту обратно, но быстро сдался. Устраивать в общественном месте сцену с перетягиванием пластика, как это делают солидные дяденьки в ресторанах, было бы верхом нелепости. Со стороны это смотрелось бы слишком комично. Он планировал заплатить за себя сам, кто же знал, что этот придурок проявит такую настырность.

«Денег до хрена, а ума ни грамма», — мысленно резюмировал Е Мянью. В этом плане Чэн Лян удивительно напоминал Сяо Шу.

Последний автобус уходил в девять вечера. Когда Е Мянью вышел из метро и дошёл до остановки, на часах было без десяти девять. Прижимая к себе объёмистую картонную коробку, он замер у дорожного указателя, вдыхая душный, напоённый дневным зноем ночной воздух.

— Ты точно не хочешь у меня переночевать? — раздался над ухом ленивый, вкрадчивый голос. Этот прилипала так и шёл за ним по пятам от самого салона связи.

Е Мянью промолчал. Он уже раз десять повторил свой отказ, и сотрясать воздух лишний раз не собирался.

— Время позднее, молодому симпатичному парню опасно одному по улицам шататься. А у меня тут, понимаешь, готовая тихая гавань пропадает. Почему бы не пришвартоваться? — Чэн Лян бесстыдно скалился. — Поставь коробку на землю, она же тяжеленная. Никто её не утащит, я посторожу. Ты, конечно, парень боевой, но больно уж смазливый. А вдруг на тебя какая-нибудь

озабоченная девица по дороге нападёт и силой овладеет? Что тогда делать будешь? У тебя нос вспотел. Давай вытру.

Е Мянй крепче прижал к себе ношу и сделал шаг в сторону, подальше от этого сумасшедшего. Вдалеке показались огни. Тяжело переваливаясь на неровностях дороги, к остановке медленно подкатывал огромный рейсовый автобус. На фоне притихшей улицы эта махина выглядела внушительно.

Достав из кармана проездной, Е Мянй коротко бросил:

— Я поехал.

Чэн Лян вздохнул:

— Надо же, как быстро пришёл. Десять минут — это всё-таки чертовски мало. Даже поговорить толком не успели.

Он не стал махать рукой на прощание, лишь тихо произнёс вслед шагнувшему к дверям парню:

— Береги себя. До встречи.

— Бывай, — не оборачиваясь, ответил Е Мянй и скрылся в салоне.

За лето пустырь зарос густой, сочной травой. Зелёные стебли поднялись почти до колен, колыхаясь от малейшего дуновения ветра. Никаких газонокосилок здесь, разумеется, не водилось, да и гербицидами никто не пользовался.

Натянув высокие чёрные сапоги, Е Мянй методично, взмах за взмахом, срезал траву ручной косой. В его представлении серпом убирали только рожь да пшеницу на бескрайних полях, но оказалось, что и обычный бурьян косить вручную вполне удобно. Конечно, махать тяжёлым лезвием ради сорной травы казалось делом неблагодарным, но ничего лучше люди ещё не придумали.

Коса была наточена на оселке совсем недавно, лезвие блестело опасной бритвенной остротой. Поначалу Е Мянй действовал неумело и медленно — это был его первый опыт. Вспоминая нехитрые наставления местных старожилов, он постепенно поймал нужный ритм. Дело пошло быстрее. Взмах, свист, шуршание падающей травы — вскоре весь намеченный участок был аккуратно выкошен.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Парень утёр пот, градом

катившийся по лицу.

— На-ка, Мян-эр, глотни водички. Чистая, колодезная, прямо из горного ключа, — добродушный пожилой китаец протянул ему расписную глиняную кружку.

Несмотря на то что на улице весь день стояло невыносимое пекло, вода, зачерпнутая из глубин земли, обжигала зубы ледяной свежестью. Здесь, среди тенистых зарослей и холмов, куда редко пробивались прямые солнечные лучи, бьющие ключи никогда не нагревались. Ледяная влага приятно обожгла горло, мгновенно прогнав изнуряющую жажду.

— Вот тут плата за аренду за три месяца вперёд. Пересчитай, сынок, — мужчина протянул небольшую пачку смятых купюр.

Е Мян пересчитал хрустящие бумажки, ловко перебирая их пальцами:

— Да, всё верно. Спасибо.

— Ну что ты, это тебе спасибо. Ещё и с травой нам помог, прямо неловко как-то, — сокрушалась подошедшая следом женщина.

— Да бросьте, пустяки. Вам в такую жару на земле спину гнуть куда тяжелее, — вежливо улыбнулся парень.

Женщина всплеснула руками:

— Ой, нашли с кем сравнивать! Мы люди привычные, всю жизнь в поле, в любую погоду. А ты вон как обгорел — лицо и шея совсем пунцовые. Пойдём к нам, я как раз ужин приготовила.

— Спасибо за приглашение, но я, пожалуй, пойду, — мягко отказался Е Мян.

Тогда она юркнула под навес и выкатила оттуда крупный спелый арбуз. Догнав парня у самой тропинки, она буквально насильно впихнула ему ягоду в руки:

— Раз от ужина отказываешься, хоть арбуз возьми! Свой, с бахчи, сладкий — мёд настоящий, и косточек почти нет!

Приняв тяжёлый прохладный плод, Е Мян искренне поблагодарил:

— Спасибо большое.

— Да не за что! Вечно ты скромничаешь, Мян-эр, — замахала руками женщина, расплываясь в

улыбке.

Арбуз действительно оказался невероятно сладким, но жара всё ещё не спадала.

Закончив дела у банкомата, Е Мянь скормил терминалу пачку полученных денег, зачислив их на отдельный счёт. На этой банковской карте лежали деньги, к которым он не прикоснулся ни разу с момента открытия. Сделав глубокий вдох, парень заставил себя успокоиться.

Выйдя на душную улицу, он заглянул в круглосуточный киоск, взял пачку сигарет и сухие салфетки. Затем зашёл в прохладный зал сетевой закусочной «Дикос» и сделал заказ у кассы:

— Порцию рисовой каши с зеленью и свининой, пожалуйста.

Устроившись за самым дальним столиком у окна, он долго вертел в руках телефон. Наконец, пересилив себя, набрал номер, который знал наизусть.

В трубке раздались долгие, мучительные гудки.

— Алло. Это Е Мянь.

На том конце ответили. Голос в трубке был сухим и отстранённым:

— Что тебе нужно?

— Нам нужно встретиться. Я хочу кое-что тебе передать. Это важно. Лишних разговоров не будет, обещаю.

Ответом ему были короткие гудки отбоя. Спустя пару минут на экран пришло текстовое сообщение с адресом и временем: завтра в полдень.

Е Мянь быстро набил в ответ лаконичное: «Буду».

Он бессильно откинулся на спинку стула, уставившись невидящим взглядом в яркий пластиковый плафон под потолком. Напряжение последних минут медленно отпускало тело.

Он достал сигарету, щёлкнул зажигалкой и прикрыл глаза, затягиваясь горьковатым дымом.

Эту историю пора было заканчивать. Он размышлял об этом не один день и наконец понял, что

ему больше не нужны никакие объяснения, оправдания или извинения. Пришло время просто признать очевидное — понять своё настоящее место в чужой жизни и собственную «ценность».

«В этом гребаном мире, кроме тебя самого, никто никогда не пожалеет тебя по-настоящему. Все чужие страдания — лишь пустой звук для окружающих».

Глупо жаловаться на судьбу, проще как можно раньше принять реальность такой, какая она есть. Пора выкинуть из головы все эти жалкие, детские надежды на то, что его когда-нибудь примут, полюбят и согреют теплом. Пусть они сгинут раз и навсегда.

Сейчас все эти наивные мечты казались ему верхом глупости. Он-то, наивный, считал эти редкие крохи внимания чем-то невероятно ценным. Думал, что сможет бережно хранить их в памяти, пусть даже они были уродливыми, сотканными из вечных противоречий, обид и ледяного равнодушия. Но для человека, у которого никогда не было нормальной семьи, даже такое суррогатное тепло казалось желанным. Ему отчаянно хотелось верить в лучшее.

«Пусть всё сломано и изувечено, — думал он тогда. — Мне хватит и половины. Лишь бы не оставаться ни с чем».

Лишь бы чувствовать, что он не один на этой огромной, холодной планете. Что у него тоже есть свой дом, близкие люди, друзья. Что он сможет жить нормальной, размеренной жизнью, как все остальные. Или хотя бы попытаться построить своё маленькое счастье, ничем не отличаясь от миллионов обычных людей.

Но реальность оказалась куда жёстче. То, что он принимал за временный надлом, оказалось окончательным крахом. Всё разбилось вдребезги. Осколки разлетелись так далеко, что теперь никаким клеем и никаким мастерством не собрать эту хрупкую мозаику воедино.

— Молодой человек, извините, но у нас в зале не курят, — вежливо, но твёрдо прервал его размышления голос сотрудника заведения.

Е Мянь вздрогнул, возвращаясь к действительности. Он посмотрел на зажатую между пальцами сигарету, которая успела лишь подтаять с одного конца:

— Ой, прошу прощения. Я сейчас выйду. Мою кашу, если можно, соберите с собой.

— Да, конечно, секунду.

На следующий день Е Мянь постарался выспаться и выглядеть бодрым. К назначенному часу он приехал по адресу, который прислали накануне.

Он стоял у входа в сомнительного вида полуподвальную маджонг-кафешку. Заходить внутрь парень не стал — побрезговал. Отойдя чуть в сторону, под тень раскидистого дерева, он набрал номер. Слыша длинные гудки, он хмуро разглядывал обшарпанную вывеску заведения, ожидая, пока абонент соизволит явиться.

Минут через тридцать тяжёлая пластиковая штора на входе наконец колыхнулась, и наружу неторопливо вышла женщина. Выглядела она совсем не так, как во время их прошлых встреч — сегодня на ней была подчеркнуто простая, даже невзрачная одежда.

— Ну и зачем ты звал? — недовольно процедила Линь Юньжань. На её лице не отражалось никаких эмоций, кроме глухого раздражения.

Заметив, что на них начали оглядываться редкие прохожие и ошивающиеся у входа в маджонг-клуб завсегдатаи, она брезгливо поморщилась и ткнула пальцем в сторону вывески на другой стороне улицы:

— Если у тебя какая-то ерунда, выкладывай прямо здесь. Если дело серьёзное — пошли в кофейню. Нечего тут стоять и позорить меня на глазах у всех.

«Позорить её», надо же. Е Мянью мысленно горько усмехнулся. Неужели он действительно настолько жалок в её глазах?

— Пойдём, — тихо бросил он.

Они двинулись по тротуару рядом, но дистанцию держали такую, что между ними легко поместились бы ещё три человека. Спустя пару минут Линь Юньжань и вовсе прибавила шагу, словно очень куда-то спешила. Она шла впереди, даже не думая оборачиваться, и перебежала дорогу на мигающий зелёный, оставив Е Мянью стоять на перекрёстке в одиночестве.

Разумеется, пить кофе никто из них не собирался. Две чашки так и остались сиротливо остывать на краю стола.

Е Мянью расстегнул сумку, достал тонкий кусок пластика и аккуратно пододвинул его по лакированной поверхности стола к женщине. Поймав её недоуменный, настороженный взгляд, он спокойно пояснил:

— Это банковская карта, которую мне когда-то завёл отец. Я не потратил оттуда ни единого юаня. Все его ежемесячные переводы за эти годы лежат здесь. Деньги, которые присылали за аренду нашей земли, я тоже перенаправлял сюда. Всё до копейки.

Линь Юньжань напряглась:

— Что это значит? К чему эти жесты?

— Забирай. Мне, как обычному студенту, такие суммы ни к чему, — Е Мянью посмотрел ей прямо в глаза. — Я больше не держу на тебя зла. Наверное, раньше я был слишком глупым и эгоистичным. Наивно верил, что если мы останемся вдвоём, то справимся со всеми трудностями, перетерпим нужду, а потом заживём по-человечески. Глупые детские фантазии. В общем, я просто хочу, чтобы ты устроила свою жизнь. Пусть теперь у тебя нет прежней роскоши, но... прошу, не лезь больше во всякое дерьмо. Завязывай с азартными играми, не связывайся с криминалом. Найди нормального мужчину, который будет тебя ценить. Рожай детей, воспитывай их в любви. Пусть у тебя будет ребёнок, которого ты сможешь по-настоящему любить, а он будет во всём тебя слушаться.

Высказав всё, что наболело, Е Мянью поднялся и пошёл к выходу. Ему было глубоко плевать, что она сейчас чувствует и что собирается сказать. Единственный долг, который связывал их все эти годы, сегодня был окончательно выплачен. Говорить им больше было абсолютно не о чем.

Заберёт ли она эти деньги, выбросит ли карту в ближайшую урну — его это больше не касалось. С этого момента их пути разошлись навсегда.

Именно поэтому Е Мянью так и не узнал, что после его ухода Линь Юньжань ещё очень долго сидела в пустом зале кофейни и горько, безутешно рыдала. А затем, словно в приступе безумия или отчаянной попытке смыть с себя этот позор, взяла чашку с остывшим горьким кофе и медленно вылила его себе на голову.

<http://bllate.org/book/18333/1863115>